

Александр Иванович Куприн

Тень Наполеона

Александр Иванович Куприн

Тень Наполеона

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2474715
Париж интимный: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-17615-2

Аннотация

«Был я в 1906 году назначен начальником одной из западных губерний.

Нужно сказать, что в ту пору новоиспеченные губернаторы, отправляясь к месту своего служения, не брали с собой ничего, кроме легкого багажа: зубочистка, портсигар и смена белья. Все равно через два-три дня тебя или переведут, или отзовут с причислением к министерству, или прикажут тебе написать прошение об отставке по болезни. Ну, конечно, учитывалась и возможность быть разорванным бомбой террористов... Но бомбы мы уже давно привыкли учитывать, как бытовое явление...»

Александр Иванович Куприн Тень Наполеона

– Как вам сказать, – отчасти вы правы, а отчасти нет. Видите ли: истина, как мне кажется, всегда лежит не в крайностях общественного мнения, а где-то поближе к середине.

Это, конечно, верно, что бывали губернаторы, как будто живьем вытащенные из щедринских «помпадуров». Не отрицаю этого. Однако справедливость никогда не мешает. Можно назвать имена и таких губернаторов, которые в своих так называемых «сатрапиях» делали искренние попытки проявить энергичную творческую деятельность. Не все же екатерининские картонные декорации и бутафорские пейзажи. Но опять-таки скажу, что порою самому прямому и честному губернатору никак нельзя было обойтись без бутафории.

Да, вот скажу про себя самого.

Был я в 1906 году назначен начальником одной из западных губерний.

Нужно сказать, что в ту пору новоиспеченные губернаторы, отправляясь к месту своего служения, не брали с собой ничего, кроме легкого багажа: зубочистка, портсигар и смена белья. Все равно через два-три дня тебя или переведут, или

отзовут с причислением к министерству, или прикажут тебе написать прошение об отставке по болезни. Ну, конечно, учитывалась и возможность быть разорванным бомбой террористов... Но бомбы мы уже давно привыкли учитывать, как бытовое явление.

Представьте себе – я ухитрился просидеть на губернаторском кресле с 1906 по 1913 год. Теперь, издали, гляжу на это явление, как на непостижимое чудо, длившееся целых семь лет.

Властью я был облечен почти безграничной. Я – сатрап, я – диктатор, я – конквистадор, я – гроза правосудия... И все-таки не было дня, чтобы я, схватившись за волосы, не готов был кричать о том, что мое положение хуже губернаторского. И только потому не кричал, что сам был губернатором.

Под моим неусыпным надзором и отеческим попечением находились национальности: великорусская, польская, литовская и еврейская; вероисповедания: православное, католическое, лютеранское, униатское и староверческое. Теоретически я должен был обладать полнейшей осведомленностью в отраслях: военных, медицинских, церковных, коммерческих, ветеринарных, сельскохозяйственных, не считая лесоводства, коннозаводства, пожарного искусства и еще тысячи других вещей.

А оттуда, сверху, из Петербурга, с каждой почтой шли предписания, проекты, административные изобретения, машиновские химеры, ноздревские планы. И весь этот чинов-

ниций бред направлялся под мою строжайшую ответственность.

Как у меня все проходило благополучно – не постигаю сам. За семь лет не было ни погромов, ни карательной экспедиции, ни покушения. Воистину – Божий промысел!

Я здесь был ни при чем. Я только старался быть терпеливым. От природы же я – человек хладнокровный, с хорошим здоровьем, не лишенный чувства юмора.

Но вот, теперь о бутафории.

Настал 1912 год, и, стало быть, на двадцать шестое августа приходилась столетняя годовщина славного Бородинского боя.

Нам, губернаторам, было уже заранее известно, что в высших сферах решили праздновать этот великий день на месте сражения и с наипушим торжеством.

Это было еще ничего и даже скорее возвышенно и патристично. Но я знал, что там, наверху, всегда обязательно перестараяются. Так оно и случилось.

Какой-то быстрый государственный ум подал внезапную мысль: собрать на бородинских позициях возможно большее количество ветеранов, принимавших участие в приснопамятном сражении, а также просто древних старожил, которые имели случай видеть Наполеона.

Проект этот был, во всяком случае, не хуже и не лучше такого, например, проекта, как завести ананасные плантации в Костромской губернии. Известно, бумага все терпит. Ведь

бородинскому ветерану-то надлежало бы иметь по крайней мере сто двадцать лет. Однако в Петербурге выдумка эта была принята с живейшим удовольствием.

Вот по этому-то поводу и приехал ко мне однажды генерал Ренненкампф, тот самый знаменитый курляндский вождь исторического рейда во время японской кампании. Огненный взгляд, звенящие шпоры, быстрая лаконическая речь, вспыльчивость и – рыцарь перед дамами.

– Ваше превосходительство, – сказал он мне, – я объездил всю Ковенскую губернию, показывали мне этих Мафусаилов – и, черт! – ни один никуда не годится! Или врут, как лошади, или ничего не помнят, черти! Но как же, черт возьми, мне без них быть. Ведь для них же – черт! – уже медали чеканятся на монетном дворе! Сделайте милость, ваше превосходительство, выручайте! На вас одного надежда. Ведь в вашей Сморгони Наполеон пробыл несколько дней. Может быть, на ваше счастье, найдутся здесь два-три таких глубоких – черт! – старца, которые еще, черт бы их побрал, сохранили хоть маленький остаток памяти. Вовеки вашей услуги не забуду!

Я как администратор не мог ему не посочувствовать. Заявил:

– Ваше превосходительство, Павел Карлович, от души вхожу в ваше положение. Даю слово: сделаю все, что смогу. Кстати, есть у меня один такой исправник, для которого, кажется, не существует ничего невозможного.

Генерал обрадовался, жал мне руки, разливался в признательности.

– Теперь я за вами как за каменной горой. А исправнику скажите, что я его из памяти не выброшу.

Проводив Ренненкампа, вызвал я к себе исправника, по фамилии Каракаци. Он вовсе не был греком, как можно было бы судить по его фамилии. Не без гордости любил он рассказывать, что по отцу происходит от албанских князей, а по матери сродни монахским Гримальди. И правда, было в нем что-то разбойничье.

Житейский лист его был очень обычен. Гвардейская кавалерия. Долги. Армейская кавалерия. Карты. Таможенная стража. Скандал. Жандармский корпус. Провалился на экзамене. Последний этап – уездный исправник.

И обладал он стремительностью в шестьсот лошадиных сил. И такой же изобретательностью.

Передал я ему мой разговор с генералом. Он весь как боевой конь.

– Ваше превосходительство, для вас хоть из-под земли вырою. Не извольте беспокоиться. Самых замечательных стариканов доставлю. Они у меня не только Наполеона, а самого Петра Великого вспомнят!

– Нет уж, – говорю ему, – вы уж лучше без лишнего усердия. Довольно нам будет и Наполеона.

– Слушаю, ваше превосходительство!

И улетел.

Всегда казалось, что он не ходит и не ездит, а летает. Такой он был быстрокрылый.

А через полмесяца получаю я от Ренненкампа телеграмму лаконическую, в его характере, только без обычных «чертей»:

«Спасибо. Старик конфета. Приезжайте. Жму».

Последнее слово должно было, вероятно, означать «жду», но телеграфист перепутал.

Я поехал, прихватив с собой на всякий случай Каракаци.

Ах! одна эта поездка в сопровождении чудотворного исправника составила бы толстый юмористический сборник.

Например. Подъехали мы к какой-то речонке, к месту, где должен был находиться паром. Но речонка разлилась, паром сорвало и снесло по течению. И путь наш был прерван на неопределенное время.

Но Каракаци не теряется. Он, кажется, не потерялся бы ни в пампасах, ни в льяносах, ни в северной тайге. Кто знает, может быть, только по ошибке природа не сделала его знаменитым путешественником или ковбоем.

Мы едем вдоль берега версты две-три. Находим рыбачий челн и, отослав назад лошадей, переправляемся через реку.

Но тут – другая беда: нет никакого экипажа. Рыбаки говорят, что самое близкое жильё, где можно достать телегу, отстоит на десять верст. А уже наступают сумерки.

Но вдруг зоркий взгляд следопыта Каракаци замечает под прибрежными косматыми ивами допотопную еврейскую ба-

лагулу, тот древний длинный фургон с круглым верхом, в котором евреи разъезжали по местным базарам в количестве десяти-пятнадцати человек.

Вскоре я слышу довольно крупный разговор, в котором перекликаются теноровые голоса евреев с рокочущим баритоном Каракаци. С каждой минутой спор делается все громче. Евреи не хотят уступать балагулы. У них свой путь и свои срочные коммерческие дела.

Я вовремя вспомнил о своем сани и лежащих на мне обязанностях: не я ли должен исследовать причину всякого народного волнения и предпринять все меры для его прекращения.

Приближаюсь и на ходу спрашиваю с ласковой внушительностью:

– В чем дело, друзья мои, что случилось?

Но Каракаци поспешно выступает мне навстречу:

– Ваше превосходительство, не извольте беспокоиться. Это благодарное население, которое собралось здесь, чтобы выразить вам свою признательность.

Ничего не поделаешь: пришлось сделать исправнику легкое внушение, а с пассажирами балагулы вступить в любовную сделку. Конечно, они запросили колоссальную, по их масштабам, сумму – полтора рубля, и мы простились самым любезным образом.

Великолепен был и наш торжественный въезд в уездный город Сморгонь. До конца жизни не забуду!..

Ритуал прибытия губернатора был установлен столетиями. И в нем никогда не делалось никаких изменений. Обычно исправник встречал начальника губернии на городской границе, рапортовал ему о благополучии, подсаживал его в коляску или в другой почетный экипаж, а затем мчался впереди, стоя на легкой пролетке, полуобернувшись лицом к высокой особе, в героической позе.

Но когда мы вылезли из нашего доисторического фургона на базарной площади, то оказалось, что площадь совсем пуста. Не только никакой кареты, коляски, или ландо, или хотя бы извозчика – даже ни одной телеги нет. Что делать?

Однако Каракаци всегда на высоте.

– Прошу великодушного прощения, ваше превосходительство! Все из-за проклятого парома! Извольте подождать одну минуту! Я сейчас!

Ровно через пять минут передо мною выросла славная рослая пегая лошадь, впряженная в лакированную одиночку («эгоистка» – так звали раньше этот экипаж). Впереди сидел франтоватый кучер, опоясанный красным тугим поясом. С сиденья легко спорхнул Каракаци.

– Пожалуйста, ваше превосходительство! Извиняюсь за столь домашний выезд. Обстоятельства бывают – увы! – сильнее человека! Эй, кучер! В Лондонскую гостиницу! Жива!

Я по человеколюбию произношу:

– Да садитесь же, поедем вместе.

Но поздно. Я уже подхвачен доброй рысью пегашки.

И вот только я выезжаю на длинную Санкт-Петербургскую улицу, где проложены узенькие рельсы, как наш путь пересекает картина подлинно из Апокалипсиса. Во весь дух мчится конка. Впереди – верховой мальчик-форейтор, орущий пронзительным дискантом. Вожатый бешено нахлестывает пару кляч. Клячи несутся даже не галопом, а каким-то диким карьером, расстилая животы по земле. Вагон, как пьяный, шатается из стороны в сторону, а в вагоне, как неодушевленные бревна, катаются туда-сюда пассажиры. На задней же площадке – о чудо – в классической обер-полицмейстерской позе стоит задом к движению, рука под козырек, исправник Каракаци. И все это кошмарное видение, перегоняя нас, исчезает в облаке пыли...

Только что я остановился у подъезда гостиницы «Лондон», как по лестнице скатывается изумительный Каракаци.

– Ваше превосходительство, имею честь доложить, что во вверенном мне уезде все обстоит благополучно!

На другой день, после завтрака у Ренненкампа, мы отправились поговорить с тем замечательным старцем, которого генерал с таким удовольствием называл «конфетой». Нас сопровождало значительное общество: местные учителя, члены городской ратуши, гарнизонные офицеры и т. д.

Старик сидел на завалинке (она там называется «присьба»).

При виде нас он медленно встал и оперся подбородком на

костыль. Он был уже не седой, а какой-то зеленый. Голова у него слегка тряслась, а голос был тонкий. Впоследствии мы узнали, что он – из староверов.

Начался экзамен.

– Ну-ка, дедушка, рассказывай, – громко и бодро приказал Ренненкампф.

– Да что же рассказывать-то, – точно по складам зашептал старик. – Стар я, забыл, почитай, все.

– А ты, дедушка, вспомни, постарайся! – еще громче сказал Ренненкампф. – Вот говорят, что Отечественную войну помнишь? Наполеона видел?

– Наполеона? Как же, батюшка, видел, видел. Вот как тебя вижу, совсем близехонько.

– Ну, вот ты нам про него и расскажи. Ты не бойся, тебя начальство отблагодарит. Ну, как же ты его видел, Наполеона-то?

– Как видел? А тут вот, тут видел, где гумно. Там тогда хата стояла новая. С балконом хата. А на том балконе стоял Наполеон. А я тут же стоял под крыльцом. Конечно, маленький я был, совсем мальчишка, мало понимал еще. Шесть лет тогда мне было. Значит, Наполеон стоял, а мимо него все войска шли. Все войска, все войска, все войска. Ужасно как много войсков! А потом он по ступенькам-то вниз сошел и меня рукой по голове погладил и сказал мне что-то по-французски, совсем непонятно: «Хочешь, мальчик, поступить в солдаты?»»

Старик говорил с большим трудом и точно стонал после каждого слова. Порою его было не слышно.

– Ну, дедушка, а как он был одет, Наполеон-то?

Старик сначала оглянул толпу, точно кого-то разыскивая мутными глазами, потом сказал не особенно уверенно:

– Одет-то был как? Да обыкновенно одет: серенький сюртучишко на нем и, значит, шляпа о трех углах. А больше никак не был одет.

– Прекрасно! Восхитительно! – воскликнул Ренненкампф, разводя руками. – Великое спасибо, ваше превосходительство. Молодец, молодец, господин исправник! Не забуду! С таким изумительным стариком мы в грязь лицом не ударим. Не правда ли, ваше превосходительство?

Но тут лукавый подтолкнул начальника городского училища. Такой он был худощавый, как-то скривленный набок и козелковатая бородка.

– Ваше превосходительство, – обратился он к Ренненкампфу. – Я, как педагог... исторический момент... редчайший случай... прошу разрешения задать один вопрос.

– Пожалуйста, пожалуйста, – великодушно разрешил Ренненкампф.

– Дедушка, – крикнул старику в ухо педагог. – Не можешь ли ты сказать нам: какой из себя был император Наполеон?

– Чего это? – переспросил старик.

Тут пришел на помощь сам Ренненкампф. Он сказал своим резким командирским голосом:

– Ты скажи нам – какой был Наполеон наружностью? Большого роста или маленького, толстый или худой? Вообще какой он был из себя?

Тут случилось что-то странное. Старик на мгновение точно оживился и даже немного выпрямился. Он откашлялся, и голос его стал тверже и яснее.

– Какой он был-то? – произнес он. – Наполен-то? А вот какой он был: ростом вот с эту березу, а в плечах сажень с лишком, а борода – по самые колени и страх какая густая, а в руках у него был топор огромнейший. Как он этим топором махнет, так, братцы, у десяти человек головы с плеч долой! Вот он какой был! Одно слово – ампиратырь!

Что тут произошло, трудно описать.

– Это безобразие! – рывкнул Ренненкампф так страшно, что у всех присутствующих подогнулись ноги, а храбрый потомок Гримальди побледнел и пошатнулся.

И много еще прошло времени, пока сердитый генерал не излил свой гнев. Но потом все-таки успокоился.

– Ничего, – сказал он, – мы его еще натаскаем. Времени впереди много. А без старика – никак не обойдешься. Господин исправник, вы ему репетитор, вы и будете в ответе!..

Тут грозный генерал не договорил и лишь выстрелил в Каракаци огненным лучом своего взгляда, пронзив его насквозь, а потом, обернувшись ко мне и вытирая платком лоб, Павел Карлович воскликнул решительно:

– Ну уж если эти петербургские господа вздумают к трех-

сотлетию дома Романовых откапывать современников, то, слуга покорный, – отказываюсь! Подаю в отставку! Да-с!